

— Цзян Хэн, почему он? — Хуа Юн ткнул пальцем в досье, которое протянул Чан Юй, и нахмурился. — Этот здоровяк пышет богатырским здоровьем, в чём тут вообще можно разглядеть болезнь? К тому же, мне нужна больная младшая сестра, именно сестра.

Чан Юй развел руками:

— Босс, кроме этого, он соответствует всем остальным критериям. Если бы требовалось длительное участие, мы могли бы поискать тщательнее, но раз нужно уложиться в два дня, на данный момент он — самый подходящий кандидат из всех, кто у меня есть.

Заметив, что Хуа Юн сердито смотрит на него, Чан Юй не стал томить и по очереди выложил все аргументы:

— Во-первых, вы родственники по крови, к тому же уже несколько раз виделись. В отличие от прошлых кандидатов, которые выглядели абсолютно чужодошно, здесь требуется эффективное появление. За короткое время вы вдвоем создадите образ, которому поверят. У тебя с ним есть хоть какая-то связь, это лучше, чем совсем незнакомец. К тому же ты не любишь общаться с незнакомцами...

— Во-вторых, досье Цзян Хэна настоящее. Он учится в университете и всё это время жил в Цзянху. Эта подлинность перекроет фальшивку. Скажу то, чего говорить не следовало бы: даже если наш обман вскрыется, но он проявит себя уверенно, крупица правды окажется куда надежнее любого сценария, написанного для заштатных актеров.

— В-третьих, он самый настоящий бета...

Хуа Юн поднял взгляд:

— Пусть будет он!

—...

Чан Юй остолбенел.

Утвердил... вот так быстро?!

— Договорись с ним: как только «отболеет» эти несколько дней, цену пусть назовет любую. — Хуа Юн вспомнил, с какой искренней радостью Гао Ту хлопотал о выписке своей «младшей сестры», и подумал, что ему, пожалуй, придется еще не раз с ним встретиться. — Пусть после «выписки» продолжает спокойно сидеть в Цзянху и учиться, и до самого выпуска даже не думает шататься где попало.

Тот еще малый, которому не сидится за учебой, но Чан Юй лишь виновато вздохнул: ладно, сначала нужно «выписать» его из больницы, а остальное — потом.

— Тогда...

Хуа Юн бросил досье на журнальный столик перед собой:

— Пусть будет он. Домашнее прозвище «Младшая сестра» — и хватит.

Чан Юй выдохнул...

Ладно, прекрасно!

— Тебе не нужно паниковать. Путь всего-то от больницы до дома, всю дорогу рядом будет босс, и времени лицом к лицу с секретарем Гао у тебя пройдет немного, максимум около часа.

Впрочем, когда Цзян Хэн увидел выстроившихся в ряд стилиста, визажиста и специалиста по пластике, которых привел Чан Юй, он понял, что эта подработка, кажется, выходит за рамки его понимания.

После череды манипуляций с гримом, прической и костюмом, уже ближе к ночи, Цзян Хэн наконец-то со спокойной душой улегся в самую дальнюю, погруженную в тень двухместную палату больницы Хэцы.

Корова — тьфу, кровать оказалась маловата, и Цзян Хэн, подогнув ноги, перебрал в уме все самые трагические события своей жизни, но так и не смог выжать из себя хоть сколько-нибудь скорбное выражение лица.

Ничего не поделаешь, с самого детства он рос беззаботным и открытым, источая природный солнечный свет.

В конце концов он заснул.

Да и ладно, в любом случае забирать его будут только завтра утром, вот завтра и посмотрим.

Утренний свет прокрался сквозь оконный переплет, осветив вырезанный на стене иероглиф «Тишина». Голоса медсестер у стойки постов, стук колесиков каталок и шуршание тележек с лекарствами сплетались в деловитую, полную жизни увертюру.

В этом месте пробуждался порядок бытия.

Цзян Хэн тоже проснулся — и тут же страстно пожелал снова лечь обратно.

Возле кровати стояло четверо.

Не слишком ли сильно это расходилось со словами помощника Чана?

Минута на сцене — десять лет труда за кулисами.

Он усиленно готовился целый день всего лишь ради того, чтобы в течение часа подыграть одному человеку. С чего вдруг здесь нарисовалось столько народу?

Кто все эти люди, и почему Чан Юй ничего об этом не сказал?

Уговор же был на одну сцену для двоих, так почему зрительный зал в мгновение ока заполнился публикой, и теперь придется отрабатывать программу целиком?

Гао Ту был озадачен ничуть не меньше Цзян Хэна.

Он не знал, что Шэнь Вэньлан тоже приедет встречать сестру секретаря Хуа. Хотя утверждать, что совсем не знал, было бы лукавством: господин Шэнь всегда так ценил секретаря Хуа, что наверняка явился бы, даже будь занят по горло, — об этом следовало догадаться заранее.

Или же он сам подсознательно старался гнать от себя эту мысль. Гао Ту не смел больше смотреть на Шэнь Вэньлана, боясь, что его взгляд безмолвно пронзит все придуманные им отговорки о том, что он «не подумал», и заставит признаться в затаенном, почти постыдном желании не докапываться до сути.

Что же до Шэн Шаоюя, то он звал Гао Ту пообедать вместе в выходные, но Гао Ту отказался, сославшись на то, что уже пообещал поехать за сестрой секретаря Хуа. Тот легко согласился, сказав, что они встретятся как-нибудь в другой раз. Но неизвестно почему, сегодня он взял и тоже объявился здесь.

Шэнь Вэньлан посмотрел на сонного юношу на кровати — высокого, стройного, но с лицом тяжелобольного человека — и едва не рассмеялся от злости:

— Секретарь Хуа, твоя «сестра» и впрямь человек выдающийся!

— Наверное, раньше мы друг друга не так поняли: в детстве Цзян Хэн был хорошеньким и капризным, домашние доростили его почти как девочку, и домашнее прозвище у него «Младшая сестра». — Хуа Юн заговорил с ноткой гордости и баловства в голосе, словно Цзян Хэн и в самом деле был той самой воспитанной им девочкой. — Цзян Хэн, поприветствуй всех! Это старший брат Гао Ту, это господин Шэнь, это господин Шэн.

Младшая сестра? Почему Чан Юй ни слова об этом не говорил?

Слушая это, Цзян Хэн чувствовал, как у него начинает ныть зуб.

В такой ситуации те реплики для поднятия имиджа временного брата Хуа Юна, которым Чан Юй учил его вчера, казались совершенно бесполезными.

Раз уж взялся за дело, иди до конца.

Цзян Хэн решил просто примерить на себя образ тяжелобольного и замкнутого социофоба: ни с кем здороваться не стал, лишь кивнул в знак приветствия, сочтя, что на этом вежливые улыбки можно и закончить.

Увидев такое, Шэнь Вэньлан почему-то не стал разоблачать обман и бросил Хуа Юну:

— Все процедуры оформления завершены? Тогда пошли.

Гао Ту подошел и участливо пощупал руку Цзян Хэна, а затем приложил ладонь к его лбу:

— Секретарь Хуа, он только что проснулся, пусть немного придет в себя и переоденется, прежде чем ехать.

С этими словами он посмотрел на Хуа Юна.

Хуа Юн мысленно заскрипел зубами: и правда, в спешке наделал ошибок, они с Чан Юем были сосредоточены только на выборе кандидата и совсем забыли про такие детали. Впрочем, сориентировался он быстро:

— Ах... одежду как назло оставили в такси.

— Тогда посиди здесь, побудь с ним, а я сбегаю куплю, — не раздумывая, поднялся Гао Ту.

Шэн Шаоюй поднялся следом:

— Я с тобой.

Когда они ушли, Шэнь Вэньлан носком ботинка легонько пнул лежащего на кровати Цзян Хэна и бросил косой взгляд на Хуа Юна:

— Какую пьесу ты тут разыгрываешь? Снова спецпроект для Шэн Шаоюя? Чан Юй сказал, что

сегодня ты приедешь забирать человека из больницы, но в планах этого эпизода я что-то не припоминаю. Ты что, решил созвать всех знакомых и друзей, забыв только про меня?

Не признаваться же, что сейчас ближе всего к его собственному состоянию одинокой души оказался именно Гао Ту.

— Можно сказать и так, и этак. Раз уж больничную драму впредь придется прикрыть, рано или поздно всё равно пришлось бы свести всех в одном месте. — На этот раз Хуа Юн не стал скрытничать перед ними двумя, все равно оба те еще лисы.

— А у босса Хуа и впрямь легкая на подъем натура! — Шэнь Вэньлан заговорил с редкой прямоотой. — Тогда поезжай пока и налаживай отношения с Шэн Шаоюем, а Гао Ту я забираю с собой.

— Шэн Шаоюй пригласил секретаря Гао пообедать, но секретарь Гао отказался, сославшись на то, что должен сопровождать меня за сестрой. Шэн увязался следом. Полагаю, от одного твоего слова секретарь Гао за тобой не пойдет. — Хуа Юн холодным взглядом посмотрел на Шэнь Вэньлана, и тон его был далеко не дружелюбным.

— Отошли машину, мне больше не нужен транспорт. — Шэнь Вэньлан взял телефон, бросил пару слов водителю на том конце линии, сбросил вызов и посмотрел на Хуа Юна: — Тогда, когда поедете на такси, захватите меня с собой.

Хуа Юн скрежетал зубами, глядя на этого наглеца. Какое просветление снизошло на Шэнь Вэньлана? С чего вдруг он так преобразился, став прозрачным для всех с изнанки до лица?

Цзян Хэн, проявив профессиональный актерский рост, робко подал голос:

— Братец, тогда я...

— Раз уж ради тебя собрали эту компанию, просто делай всё так, как учил Чан Юй. Разве что время выступления увеличится, а гонорар удвоится.

— Заметано!

Цель была достигнута, и Цзян Хэн почувствовал себя превосходно. Если бы не визажист, мастерски наложивший ему болезненный макияж, он бы сейчас мог хоть на марафон побежать.

Поэтому Цзян Хэн снова перебрал в уме все самые трагические события своей жизни. Хотя напустить на себя скорбный вид так и не вышло, радость в уголках рта он всё же сумел кое-как сдержать.

Гао Ту, увидев вышедшего из палаты Цзян Хэна в больничной пижаме, почувствовал некоторую неловкость. Одежду он покупал на размер больше, но брюки и рукава все равно выглядели комично короткими.

— А люди из семьи секретаря Хуа и впрямь рослые, — холодно заметил стоявший в стороне Шэн Шаоюй.

Шэнь Вэньлан же пребывал в прекрасном расположении духа — в конце концов, одежда, которую Гао Ту подбирал для него самого, всегда сидела идеально.

— Может, я еще раз схожу переодеть... — виновато посмотрел Гао Ту на Хуа Юна.

— Не нужно. Он в последнее время лежал в больнице, следил только за показателями здоровья и совсем забыл, что вырос. — Хуа Юн успокаивающе прижал Гао Ту к месту, но сам при этом смотрел на Цзян Хэна.

— Ничего, летом даже прохладно. — Всё-таки Цзян Хэн был молод и не обременен светскими условностями, его слова звучали наивно и простодушно.

Гао Ту искренне посмотрел на Цзян Хэна:

— Тогда как выйдешь из больницы и немного отдохнешь, я отведу тебя купить что-нибудь нормальное, выберешь то, что нравится и подходит, я подарю.

Цзян Хэн послушно и простодушно кивнул, а напоследок еще и вызывающе покосился на остальных:

— Спасибо, старший брат Гао Ту!

Прежнее прекрасное настроение Шэнь Вэньлана мгновенно испарилось. Гао Ту никогда не покупал ему одежду — те безупречные костюмы, что заполняли его гардеробную, были всего лишь холодными плодами служебных обязанностей.

Впрочем, Шэнь Вэньлан еще не успел оправиться от удара по поводу «служебных обязанностей», как Шэн Шаоюй уже утащил Гао Ту к своей машине, выкатив железобетонный аргумент, донесшийся издалека:

— Хоть и нерабочее время, но везти господина Шэня мне как-то не с руки. Как раз наоборот: вы втроем поедете на одной машине, а я заберу Гао Ту.

Хуа Юн проявил широту души:

— Хорошо, спасибо, господин Шэн, секретарь Гао знает дорогу, встретимся у меня дома.

Позвав водителя, они сели в машину. Шэнь Вэньлан сердито уставился на Хуа Юна:

— И это вся твоя боеспособность?

— Чуть лучше твоей? Вы с ним грызётесь уже года два-три, а расхлебывать всё равно приходится мне?

Шэнь Вэньлан возмутился:

— Да ты же сам мне спуску не давал! Чуть что — сразу покрываешь или останавливаешь.

Хуа Юн промолчал. Опираясь на скользкого как угорь Шэн Шаоюя, он рассчитывал вовсе не на собственное обаяние — его опорой было мягкосердечие секретаря Гао.

<http://bllate.org/book/19429/1902870>